

A surreal scene featuring a woman with dark hair, wearing a dark, strapless dress, kneeling on a circular platform. The platform is composed of a dense network of yellowish-brown tentacles or roots, which are surrounded by a ring of reddish-pink tentacles. This entire structure is situated within a large, circular, shallow depression in a vast, calm, blue liquid surface that resembles water. The liquid surface is marked by concentric ripples emanating from the central platform. The woman's reflection is clearly visible in the liquid below her. The overall atmosphere is dreamlike and ethereal.

Владимир Кожевников

Соль со дна
времени

Владимир Кожевников

Соль со дна времени

<https://litres.ru/74195079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лингвист Элинор Вейс прибывает на планету Таласса, где океан — коллоид, а аборигены-найи общаются вкусовыми профилями. Её официальная миссия — изучение языка, но истинная цель — сохранить память о любимом муже, которую она теряет из-за болезни. Найи не знают одиночества: их индивидуальная память растворяется в коллективном «Глубоком Мы». Элинор просит запретный ритуал, чтобы вернуть утраченное, и молодой найи Лиоран-Ка вызывается стать мостом. Прикосновение к человеческой «отдельности» навсегда меняет его. Повесть — изысканная метафора памяти, где химия чувств переплетается с темой жертвы, выбора и границ между «я» и «мы». Погружение в эту историю оставляет на языке солоноватый привкус, который не забывается.

Содержание

Глава 1. Прибытие сквозь соль	4
Глава 2. Вкус воды	9
Глава 3. Химия чужого "я"	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Кожевников

Соль со дна времени

Глава 1. Прибытие сквозь соль

Капсула пронзила перламутровый студень атмосферы Талассы и замерла, будто муха в янтаре. Элинор смотрела, как за иллюминатором проплывают ленивые жгуты облаков, подсвеченные не солнцем — местное светило, тусклый красный карлик, давало ровное зарево, — а собственным биолюминесцентным мерцанием планеты. Она попыталась вспомнить, как называются эти микроорганизмы в верхних слоях, но слово затерялось где-то в височной доле, оставив лишь ощущение покалывания на языке.

Шлюз открылся беззвучно, и в кабину влился аромат — сложный, слоистый, как старые духи: база из влажных водорослей, сердце из металлической соли и верхняя нота, напоминающая запах нагретой на солнце гальки. Элинор принялась и невольно улыбнулась: её внутренний каталог запахов, натренированный на десятках планет, тут же начал раскладывать этот букет на составляющие. Она шагнула на пружинящий настил, сотканный из живых стеблей, и почувствовала, как подошвы ботинок намокают — мат дышал влагой. Поверхность планеты была почти лишена твёрдой суши.

Насколько хватал глаз, простиралось коллоидное море — не вода в земном понимании, а густая взвесь, напоминающая разбавленный кисель. Его цвет менялся в зависимости от угла зрения: от опалового до глубокого графитового с серебристыми прожилками, будто кто-то размешал в океане жидкую ртуть. Волн не было, но вся поверхность непрерывно колыхалась в медленном, величественном ритме — ритме, который, как позже запишет Элинора, совпадал с частотой сердцебиения крупного китообразного.

Она достала диктофон, но нажала на запись не сразу. Пальцы замерли на кнопке. Что она собиралась сказать? «День первый. Я здесь, чтобы...» Зачем она здесь? Заказ Академии — изучить язык найи — был лишь предлогом. Истинная причина лежала глубже, в тех провалах сознания, которые она научилась маскировать заученными фразами и подробными дневниками. Она боялась, что к концу экспедиции забудет не только цель прилёта, но и собственное имя.

Диктофон щёлкнул.

«Планета Таласса, запись первая. Поверхность: органический мат, предположительно колония нитчатых водорослей с включением хитиновых полипов. Тактильно: тепло, вибрация частотой три цикла в минуту. Запах: многосоставной, требует анализа. Отмечаю отсутствие видимой мегафауны. Перехожу к протоколу контакта.»

Она говорила размеренно, почти без интонаций, как на лекции. Это помогало удерживать рассудок в узде.

Из тумана, который стелился над водой и на вкус отдавал пресной каплей, показались три фигуры. Элино́р сначала увидела не тела, а свечение — размытые ореолы, трепещущие в унисон с океаном. Когда они приблизились, стали различимы контуры: вытянутые, вертикально стоящие существа с плавными изгибами торса, напоминающие ожившие морские водоросли. Их кожа, полупрозрачная и переливающаяся оттенками от бледно-розового до лавандового, позволяла видеть медленную пульсацию внутренних органов — не кровеносную систему, а нечто вроде сети светящихся канальцев, по которым перетекала жидкость, похожая на люминесцентную сыворотку.

Передний, ниже ростом, вытянул руку, унизированную короткими подвижными выростами. Не дотрагиваясь, он совершил пасс перед лицом Элино́р, и она ощутила на губах вкус — солёный, с оттенком карамелизованной соли и горькой травы. Вкус был комплексным, как аккорд, и в голове у неё сама собой всплыла расшифровка: «Приветствую чужака-из-пустоты, я Лиоран-Ка, чья память-вода началась в приливе под третьей луной».

Она попыталась ответить по протоколу: сглотнула, пропустила слюну через сенсорные точки на нёбе, имитируя вкус своего имени — сочетание хлорида натрия, глюкозы и лёгкой горчинки. Получилось, видимо, с акцентом, потому что свечение Лиоран-Ка на миг потускнело, а потом вспыхнуло ярче — смех?

«Ты говоришь, как малёк, который только учится пробовать воду, — передал он касанием щупальцами к её запястью. — Но ты старая, твой вкус глубок. Почему ты пришла в одиночестве? Где твоя соль-стая?»

Элинор хотела ответить дежурной фразой о научном интересе, но вместо этого с губ сорвалось:

«Я теряю свою соль. Моя память утекает, как вода сквозь пальцы. Я ищу, где её сохранить».

Найи замер. Его щупальца, только что трепетавшие любопытством, обвисли. Вкус его прикосновения изменился, наполнившись металлической нотой — тревога? Сочувствие? Двое других найи, которые держались за спиной, издали низкий вибрирующий звук, похожий на гудение камертона, и Элинор поняла, что сказала что-то, выходящее за рамки протокола, что-то, что для этих существ имело совсем иное значение.

«У вас не так?» — спросила она.

Лиоран-Ка медленно опустил ладонь на поверхность мата, и вибрация под ногами Элинор изменилась — стала глубже, протяжнее. Океан прислушивался.

«Мы не говорим „я помню“. Мы говорим „вода помнит меня“. Тот, кто теряет соль-память, исчезает. Но ты ещё здесь. Значит, твоя соль рассеяна, а не потеряна. Идём. Ама-Теа, Старая-соль-глубины, решит, можно ли говорить с тобой дальше.»

И они двинулись сквозь влажную пелену, и Элинор чув-

ствовала, как каждый шаг отдаётся в ней эхом — будто она шла не по водорослям, а по собственной памяти, которая ещё хранила ритм, но теряла слова.

Глава 2. Вкус воды

Деревня найи раскинулась на трёх сшитых между собою матах; стыки были закреплены костяными крючками и оплетены розоватыми побегам, которые ритмично сокращались, словно жабры. Хижины возвышались над водой куполами из живых волокон, пропитанных слизистым составом, отчего их поверхность переливалась, как мыльный пузырь. Внутри одного из таких куполов, куда Лиоран-Ка пригласил Элинора жестом, пахло крахмалом и мокрым деревом, а пол был выстлан слоем губчатого мха, гасящего звуки.

Элинора, преодолевая усталость, достала диктофон. «Поселение представляет собой конгломерат плавучих платформ, скреплённых органическими тросами. Архитектура — полые сферы из хитиново-целлюлозного композита. В центре находится ритуальное отверстие, так называемый Колодец, ведущий в подматовую толщу океана-коллоида. Наблюдают ритмичное движение найи вокруг колодца: они поочередно погружают щупальца в жидкость, предположительно обмениваясь вкусо-химическими сигналами с глубинной средой.»

Лиоран-Ка тронул её за локоть и подвёл к колодцу. Вблизи отверстие казалось зрачком гигантского глаза: тёмное, с концентрическими кольцами более светлой взвеси по краям. От поверхности поднимался едва заметный пар, на языке осе-

давший солью и чем-то похожим на ферментированный мёд. Элино́р наклонилась, и её отражение в коллоиде расплылось, подёрнулось рябью, будто вода изучала её.

«Ама-Теа, — передал Лиоран-Ка вкусом, в котором смешались уважение и лёгкая боязнь. — Старая-соль-глубины».

Старейшина сидела у самого края, её тело, почти непрозрачное, цвета тёмного янтаря с вкраплениями чёрного, напоминало корень древнего дерева. Она протянула щупальца навстречу Элино́р, и та ощутила на языке многоголосый вкус — глубокий, слоёный, в котором угадывались ноты десятков, сотен отдельных жизней, слитых в гармонию.

«Ты пришла из сухой пустоты, где память умирает раньше тела, — проговорила Ама-Теа, и это не было вопросом. — Твоя вода заперта в сосудах, она не сообщается с нашей. Но ты хочешь пить из нашего источника. Зачем?»

Элино́р не стала прибегать к научным терминам. Вместо этого она, повинувшись безотчётному порыву, извлекла из нагрудного кармана свёрнутый в трубочку листок бумаги — страницу из своего дневника, исписанную мелким почерком. Она развернула её и протянула старейшине. Конечно, та не умела читать, но жест был понятен.

«Здесь записано то, что я боюсь забыть, — сказала Элино́р. — Но слова — лишь сухие тени вкусов. Я хочу, чтобы вода вернула мне... запах его волос. Я не могу вспомнить, как он пах.»

Ама-Теа долго держала листок в щупальцах, потом опу-

стила его край в колодец. Бумага потемнела, набухла, но не распалась — коллоид бережно держал её, словно пробовал на вкус чернила.

«Ты просишь невозможного для нас, — наконец произнесла старейшина, и её вкус стал горьким, как корка хинного дерева. — Есть ритуал обратного вопрошания. Живой может спросить у Глубокого Мы опыт умершего и на краткое время впустить его в себя. Но это всё равно что разбить зеркало, чтобы увидеть своё лицо по осколкам. Вода мутнеет. Мы запрещаем это, кроме случаев, когда грозит исчезновение целого рода.»

Элинон почувствовала, как внутри всё сжимается. Не от страха — от надежды, которая вдруг обрела контур. Она перевела дыхание и спросила ровно, словно зачитывая пункт протокола:

«Могу ли я, чужая, попросить о таком вопрошании? Не для рода — для одной человеческой женщины, которая хочет вспомнить, как любила?»

Тишина сгустилась, как коллоид вокруг нерастворимой частицы. Даже колыхание мата, казалось, замерло. Ли-оран-Ка издал короткий, скомканный вкус, похожий на всхлип.

«Ты не понимаешь, что просишь, — ответила Ама-Теа. — Наша память — соль ушедших. Твоя память — иная соль, чужая. Если смешать их, может родиться горечь, которую не выпить и океану. Но ты гостья. Совет выслушает тебя завтра.

А пока отдыхай. Пей воду. Пусть она говорит с тобой.»

Элинор прикрыла глаза. Во рту медленно таял горьковатый осадок — вкус вопроса, на который ещё не было ответа.

Глава 3. Химия чужого "я"

Сквозь полупрозрачный купол хижины сочился свет — бледно-опаловый, разбавленный серой жемчужностью коллоидного океана. Элинор лежала с открытыми глазами и пыталась восстановить вчерашний вечер. Совет старейшин. Вкус горькой коры во рту. Обещание «завтра». А дальше — пустота, гладкая и непроницаемая, как стена из матового стекла.

Она села, протянула руку к изголовью, где обычно оставляла диктофон. Пальцы нащупали лишь влажный мох. Диктофона не было.

Паника поднялась из живота медленно, как поднимается со дна пузырёк воздуха, — невидимая, но осязаемая. Элинор заставила себя не кричать. Вместо этого она методично, как на тренинге когнитивной терапии, проговорила вслух: «Меня зовут Элинор Вейс. Я нахожусь на планете Таласса. Моя миссия — изучение языка найи. Вчера я присутствовала на Совете. После Совета я вернулась в хижину. Я положила диктофон...» Где? В этом месте память обрывалась, как аудиозапись с вырванным фрагментом плёнки.

Она вышла наружу, шурясь от перламутрового сияния. Утро пахло йодистыми водорослями и пресной росой; капли влаги размером с глазное яблоко дрожали на стеблях мата. Найи у колодца напоминали застывшие языки пламени —

их утреннее свечение было медово-золотым. Лиоран-Ка, заметив её, отделился от группы и приблизился. Его щупальца коснулись её локтя, и она почувствовала вкус — прохладный, чуть тревожный.

«Твоя наружная память, — передал он, и слово «память» было солоновато-металлическим. — Она у Колодца. Вода вернула».

Элино́р увидела диктофон лежащим на мху у самого края отверстия. Прибор был цел, только покрыт капельками конденсата, светящимися в ультрафиолете. Она подобрала его, включила — запись пошла, собственный голос зазвучал отстранённо-спокойно. Облегчение было почти физическим, как глоток воды после долгой жажды.

«Ты носишь память снаружи, — продолжил Лиоран-Ка, и в его вкусе проступила нота удивления, смешанная с чем-то похожим на жалость. — Это непрочно. Вода сказала: этот предмет сух. Он не дышит. Почему ты доверяешь ему?»

«Потому что моя внутренняя память... утекает, — Элино́р говорила тихо, подбирая простые слова. — Диктофон — мой протез. Как у некоторых людей — искусственная нога или глаз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.